

КАВКАЗСКИЙ
ПЛѢНИКЪ.
ПОВѢСТЬ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1828.

КАВКАЗСКИЙ ПЛѢННИКЪ.

КАВКАЗСКІЙ
ПЛѢННИКЪ.
ПОВѢСТЬ

АЛЕКСАНДРА Пушкина.

Второе исправленное издание.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕЛАРТАМ. НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

1828.

Съ дозволенія Правительства.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Сія повесть, снисходительно принятая публикою, обязана своимъ успѣхомъ вѣрному, хотя слегка означенному, изображенію Кавказа и Горскихъ нравовъ. Авторъ также соглашается съ общимъ голосомъ критиковъ, справедливо осудившихъ характеръ плѣнника, нѣкоторыя опидѣльныя черты и проч.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

H. H. РАЕВСКОМУ.

*Приими съ улыбкою, мой другъ,
Свободной музы приношенье:
Тебѣ я посвятиль пустынной лиры пѣнье
И вдохновенный свой досугъ.
Когда мнѣ бѣдствія грозили;
Я при тебѣ еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отыхалъ: другъ друга мы любили.
И бури надо мнай свирѣпость утомили:
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ.
Во дни пегальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мнѣ Кавказъ,
Гдѣ пасмурный Бешту¹, пустынникъ величавый,
Ауловъ² и полей властитель пятиглавый,
Былъ новый для меня Парнасъ.
Забуду ли кремнистыя вершины,
Гремучіе клюги, увядшія равнини,*

Пустыни знойныя, края, где ты со мной
 Дышли души юноши впечатленья;
 Где рыскаетъ въ горахъ воинственный разбой,
 И дикий гений вдохновенъя
 Таетъ въ тишинѣ глухой!
 Ты здѣсь найдешь воспоминанья,
 Быть можетъ, милыхъ сердцу дней,
 Противорѣгія страстей,
 Мечты знакомыя, знакомыя страданья,
 И тайный гласъ души моей.
 Мы въ жизни разно шли: въ объятіяхъ покоя
 Едва, едва разцвѣль, и вслѣдъ отца-героя
 Въ поля кровавыя, подъ туги вражьихъ стрѣлъ,
 Младенецъ избранный, ты гордо полетѣлъ;
 Отечество тебя ласкало съ умиленьемъ,
 Какъ жертву милую, надежды вѣрный цветъ.
 Я рано скорбъ узналъ, узналъ людей и светъ:
 Но, сердце укрѣпивъ терпѣньемъ,
 Я ждалъ безпечно лугшихъ дней,
 И счастіе моихъ друзей
 Мне было сладкимъ утѣшеньемъ.

Ч А С Т Ъ I.

Въ аулѣ, на своихъ порогахъ,
Черкесы праздные сидячи.
Сыны Кавказа говорячи
О бранныхъ, гибельныхъ превогахъ,
О красопѣтъ своихъ коней ,
О наслажденьяхъ дикой нѣги;
Вспоминаючи прежнихъ дней
Неопиразимые набѣги,
Обманы хишпрыхъ узденей, ³
Удары шашекъ ⁴ ихъ жестокихъ,
И мѣшкоспѣ неизбѣжныхъ спрѣль,
И пепель разоренныхъ сель ,
И ласки плѣнницъ черноокихъ.

Текущь бесѣды въ шининѣ;
Луна плыветъ въ ночномъ шуманѣ:

И вдругъ предъ ними на конѣ
 Черкесъ. Онъ быспро на арканѣ
 Младаго плѣнника влачилъ.
 Вопль Руской! хищникъ возопилъ.
 Аулъ на крикъ его сбѣжался
 Ожесточеною толпой;
 Но плѣнникъ хладный и нѣмой,
 Съ обезображеній главой,
 Какъ прупъ, недвижимъ оспавался.
 Лица враговъ не видишъ онъ,
 Угрозъ и криковъ онъ не слышимъ;
 Надъ нимъ лепшаепъ смертный сонъ
 И холодомъ плетворнымъ дышимъ.

И долго плѣнникъ молодой
 Лежаль въ забвениія тяжеломъ.
 Ужъ полдень надъ его главой
 Пылалъ въ сіянїи веселомъ;
 И жизни духъ проснулся въ немъ,
 Невнятный сонъ въ устахъ раздался;
 Согрѣтый солнечнымъ лучемъ,
 Несчастный тихо приподнялся;

Кругомъ обводитъ слабый взоръ...
 И видитъ: непрступныхъ горъ
 Надъ нимъ воздвигнулась громада,
 Гнѣздо разбойничихъ племенъ,
 Черкеской вольносши ограда.
 Воспомнилъ юноша свой плѣнь,
 Какъ сна ужаснаго превоги,
 И слышитъ: загремѣли вдругъ
 Его закованныя ноги...
 Все, все сказалъ ужасный звукъ;
 Запытилась передъ нимъ природа.
 Проспи, священная свобода!
 Онъ рабъ.

За саклями ⁵ лежитъ
 Онъ у колючаго забора.
 Черкесы въ полѣ, нѣшь надзора,
 Въ пустынѣ аулѣ все молчитъ.
 Предъ нимъ пустынныя равнины
 Лежатъ зеленої пеленой;
 Тамъ холмовъ пянутся грядой
 Однообразныя вершины;
 Межъ нихъ уединенный пупъ

Вдали сперяется угрюмой :
 И плѣнника младаго грудь
 Тяжелой взволновалась думой...

Въ Россію дальвій путь ведёпъ,
 Въ спрану, гдѣ пламенную младоспѣхъ
 Онъ гордо началъ безъ заботъ ;
 Гдѣ первую позналъ онъ радоспѣхъ,
 Гдѣ много милаго любилъ,
 Гдѣ обнялъ грозное спраданье ,
 Гдѣ бурной жизнью погубилъ
 Надежду , радоспѣхъ и желанье ,
 И лучшихъ дней воспоминанье
 Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ ,
 И зналъ невѣрной жизни цѣну .
 Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну ,
 Въ мечтахъ любви безумный сонъ ,
 Наскуча жерпвой быть привычной
 Давно презрѣнной суевы ,

И непріязни двуязычной,
 И просподушной клеветы,
 Отступникъ свѣтила, другъ природы,
 Покинулъ онъ родной предѣль
 И въ край далекій полепѣль
 Съ веселымъ призракомъ свободы.

Свершилось... цѣлью упованья
 Не зришь онъ въ мірѣ ничего.
И вы, послѣднія мечтанья,
И вы скрылись отъ него.
Онъ рабъ. Склонясь главой на камень,
Онъ жде путь, чѣмъ съ сумрачной зарѣй
Погасъ печальной жизни пламень
И жажде путь сѣни гробовой.

Ужъ меркнепть солнце за горами;
 Вдали раздался шумный гулъ;
 Съ полей народъ идетъ въ ауль,
 Сверкая свѣплыми косами.

Пришли; въ домахъ вожглись огни,
 И постепенно шумъ неспройной
 Умолкнулъ; все въ ночной тѣни
 Объято нѣгою спокойной;
 Вдали сверкаетъ горный ключъ,
 Сбѣгая съ каменной спремини;
 Одѣлись пеленою тучь
 Кавказа спящія вершины...
 Но кто, въ сіяніи луны,
 Среди глубокой тишины
 Идетъ, украдкою спупая?
 Очнулся Руской. Передъ нимъ,
 Съ привѣтствомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
 Спосипъ Черкешенка младая.
 На дѣву, молча, смотритъ онъ,
 И мыслишь: это лживый сонъ,
 Успалыхъ чувствъ игра пустая.
 Луною чупъ озарена,
 Съ улыбкой жалости отрадной
 Колѣна преклонивъ, она
 Къ его успамъ кумысъ⁶ прохладной
 Подноситъ тихою рукой.

Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный;
 Онъ ловилъ жадною душой
 Пріятной рѣчи звукъ волшебный
 И взоры дѣвы молодой.
 Онъ чуждыя словъ не понимаетъ;
 Но взоръ умильный, жаръ ланилъ,
 Но голосъ нѣжный говорилъ:
 Живи! и плѣнникъ оживаетъ.
 И онъ, собравъ оспапокъ силь,
 Велѣнью милому покорной,
 Привсталъ, и чашей благопврной
 Томленье жажды уполилъ.
 Попомъ на камень вновь склонился
 Опятощеною главой;
 Но все къ Черкешенкѣ младой
 Угасшій взоръ его спремился.
 И долго, долго передъ нимъ
 Она, задумчива, сидѣла;
 Какъ бы участіемъ нѣмымъ
 Упѣшилъ плѣнника хопѣла;
 Успа невольно каждый часъ
 Съ начатой рѣчью открывались;

**

Она вздыхала, и неразъ
Слезами очи наполнялись.

За днями дни прошли какъ пѣнь.
Въ горахъ, окованный, у спада
Проводилъ плѣнникъ каждый день.
Пещеры тмная прохлада
Его скрываешь въ лѣпній зной;
Когда же рогъ луны сребристой
Блеснетъ за мрачною горой,
Черкешенка, пропой тѣнисстой,
Приносить плѣннику вино,
Кумысъ, и ульевъ сопѣтъ душистой,
И бѣлоснѣжное пшено;
Съ нимъ шайный ужинъ раздѣляешь;
На немъ покоишь нѣжный взоръ;
Стъ неясной рѣчию сливаешь
Очей и знаковъ разговоръ;
Поешь ему и пѣсни горъ,
И пѣсни Грузіи счастливой,
И памяти нещерпѣливої
Передаешь языкъ чужой.

Впервые дѣвственной душой
Она любила, знала счастье;
Но Русской жизни молодой
Давно утратилъ сладосираспье:
Не могъ онъ сердцемъ отвѣтить
Любви младенческой, опкрышой —
Быть можешьъ, сонъ любви забытой
Боялся онъ воспоминать.

Не вдругъ уянешь наша младость,
Не вдругъ восторги бросятъ насъ,
И неожиданную радость
Еще обнимемъ мы неразъ:
Но вы, живяя впечатлѣнья,
Первоначальная любовь,
О первый пламень упоенъ,
Не прилепшаене вы вновь.

Казалось, пленникъ безнадежный
Къ унылой жизни привыкалъ.
Тоску неволи, жаръ мятежный,
Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.

Влачаясь межъ угрюмыхъ скаль,
 Въ часъ ранней, утренней прохлады,
 Вперялъ онъ неподвижный взоръ
 На отдаленныя громады
 Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
 Великолѣпныя картины!
 Престолы вѣчные снѣговъ,
 Очамъ казались ихъ вершины
 Недвижной цѣпью облаковъ,
 И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
 Въ вѣнцѣ блестящая ледяномъ,
 Эльбрусъ огромный, величавый,
 Бѣлѣль на небѣ голубомъ. 8
 Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
 Предпеча бури, громъ гремѣль,
 Какъ часто плѣнникъ надъ ауломъ,
 Недвижимъ на горѣ сидѣль!
 У ногъ его дымились шучи,
 Въ степи взвивался прахъ лепучій;
 Уже пріютъ между скаль
 Елень испуганный искалъ;
 Орлы съ утесовъ подымались

И въ небесахъ перекликались;
 Шумъ пабуновъ, мычанье спадъ
 Ужъ гласомъ бури заглушались...
 И вдругъ на долы дождь и градъ
 Изъ шучъ сквозь молній извергались;
 Волнами роя крупицы,
 Сдвигая камни вѣковые,
 Текли попоки дождевые —
 А плѣнникъ, съ горной вышины,
 Одинъ, за шучей громовою,
 Возвратя солнечнаго ждалъ,
 Недосягаемый грозою,
 И бури немощному вою
 Съ какой-то радостью внималъ.

Но Европейца все внимание
 Народъ сей чудный привлекалъ.
 Межъ Горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
 Ихъ вѣру, нравы, воспитанье,
 Любиль ихъ жизни простопу,
 Госпѣдствство, жажду браны,
 Движеній вольныхъ быстропу,

И легкость ногъ, и силу длані;
 Смотрѣль по цѣлымъ онъ часамъ,
 Какъ иногда Черкесъ проворной,
 Широкой степью, по горамъ,
 Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ чорной,
 Къ лукѣ склоняясь, на спремена
 Ногою спройной опираясь,
 Лепаль по волѣ скакуна,
 Къ войнѣ заранѣ пріучаясь.
 Онъ любовался красотой
 Одежды бранной и проспой.
 Черкесъ оружіемъ обвѣщенъ;
 Онъ имъ гордится, имъ упѣщенъ:
 На немъ броня, пищаль, колчанъ,
 Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
 И шашка, вѣчная подруга
 Его трудовъ, его досуга.
 Ничто его не тяготитъ,
 Ничто не брякнѣтъ: пѣшій, конный —
 Все топтъ же онъ; все топтъ же видѣтъ
 Непобѣдимый, непреклонный.
 Гроза беспечныхъ козаковъ,

Его багатство — конь репивый,
 Питомецъ горскихъ табуновъ,
 Товарищъ вѣрный, терпѣливый.
 Въ пещерѣ иль правѣ глухой
 Коварный хищникъ съ нимъ спаится,
 И вдругъ, внезапною спрѣлой,
 Завидя пупника, спремится;
 Въ одно мгновеніе вѣрный бой
 Рѣшилъ ударъ его могучій,
 И спранника въ ущелья горъ
 Уже влечея арканъ лепучій.
 Спремится конь во весь опоръ,
 Исполненъ огненной опваги;
 Все путь ему: болото, боръ,
 Кусты, ущесы и овраги;
 Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
 Въ пустынѣ поползъ раздаєтся;
 Сѣдой попокъ предъ нимъ шумитъ —
 Онъ въ глубь кипящую несетъся;
 И пупникъ, брошенный ко дну,
 Глошаешь мутную волну,
 Изнемогая смерти проситъ

И зришь ее передъ собой...
 Но мощный конь его — спрѣлой
 На берегъ пѣнистый выносинъ.

Иль ухвативъ рогатый пень,
 Въ рѣку низверженый грозою,
 Когда на холмахъ пеленою
 Лежишь безлунной ночи пѣнь,
 Черкесь на корни вѣковые,
 На вѣтви вѣщаешь кругомъ
 Свои доспѣхи боевые,
 Щипъ, бурку, панцырь и шеломъ,
 Колчанъ и лукъ — и въ быстры волны
 За нимъ бросаешься пошомъ
 Неупомимый и безмолвный.
 Глухая ночь. Рѣка реветь;
 Могучій шокъ его несетъ
 Вдоль береговъ уединенныхъ,
 Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
 Склоняясь на копья, козаки
 Глядятъ на пнемный бѣгъ рѣки —
 И мимо нихъ, во мглѣ чернѣя,

Плыветъ оружіе злодѣя...
О чемъ ты думаешьъ, козакъ?
 Вспоминаешь прежни битвы,
 На смертномъ полѣ свой бивакъ,
 Полковъ хвалебныя молитвы
И родину?... Коварный сонъ!
 Проспите, вольныя спаницы,
И домъ опцовъ, и тихій Донъ,
 Война и красныя дѣвицы!
 Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
 Спрѣла выходитъ изъ колчана —
 Взвилась — и падаешь козакъ
 Съ окровавленнаго кургана.

Когда же съ мирною семѣй
 Черкесь въ отеческомъ жилищѣ
 Сидишь ненаспиною порой
И плѣютъ угли въ пепелище;
И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
 Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
 Къ нему войдешь пришлецъ усталый
И робко сядешь у огня:

Тогда хозяинъ благосклонной
 Съ привѣтомъ, ласково, вспаешь,
 И гостю въ чашѣ благовонной
 Чихирь ⁹ опрадный подаешь.
 Подъ влажной буркой, въ сакль дымной,
 Вкушаешь пупникъ мирный сонъ,
 И упромъ осипавляешь онъ
 Ночлега кровъ госпепріимной. ¹⁰

Бывало, въ свѣтлый Баиранъ ¹¹
 Сберуясь юноши шолпою;
 Игра смѣняется игрою:
 То полный разобравъ колчанъ,
 Они крылатыми спрѣлами
 Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
 То съ высоты крупныхъ холмовъ
 Неперѣливыми рядами,
 При данномъ знакѣ, вдругъ падутъ,
 Какъ лани землю поражаютъ,
 Равнину пылью покрываютъ
 И съ дружнымъ шопопомъ бѣгутъ.

Но скученъ миръ однообразной
 Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
 И часпо игры воли праздной
 Игрой жестокой смущены.
 Нерѣдко шашки грозно блещутъ
 Въ безумной рѣзвости пировъ,
 И въ прахъ лепяшь главы рабовъ,
 И въ радости младенцы плещутъ.

Но Руской равнодушно зреТЬ
 Сіи кровавыя забавы.
 Любиль онъ прежде игры славы
 И жаждой гибели горѣТЬ.
 Невольникъ чеспи безпощадной,
 Вблизи видаль онъ свой конецъ,
 На поединкахъ пвердый, хладной,
 Вспрѣчая гибельный свинецъ.
 Быть можетъ, въ думу погруженный,
 Онъ время то воспоминаль,
 Когда, друзьями окруженный,
 Онъ съ ними шумно пировалъ...
 ЖалѣТЬ ли онъ о дняхъ минувшихъ,

О дняхъ надежду обманувшихъ,
Иль, любопытный, созерцалъ
Суровой проспопы забавы,
И дикаго народа нравы
Въ семъ вѣрномъ зеркалѣ чипаль—
Таилъ въ молчаньи онъ глубокомъ
Движенья сердца своего,
И на челѣ его высокомъ
Не измѣнялось ничего.
Безпечной смѣлости его
Черкесы грозные дивились,
Щадили вѣкъ его младой
И шопотомъ между собой
Своей добычею гордились.

Ч А С Т Ъ II.

Ты ихъ узнала, дева горъ,
Восторги сердца, жизни сладость;
Твой огненный невинный взоръ
Высказывалъ любовь и радость.
Когда швой другъ во шмѣ ночной
Тебя лобзаль нѣмымъ лобзаньемъ,
Сграя нѣгой и желаньемъ,
Ты забывала міръ земной,
Ты говорила: пленникъ милый,
Развесели свой взоръ унылый,
Склонись главой ко мнѣ на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываясь рада я въ пустынѣ
Съ штобою, царь души моей!
Люби меня; никто донынѣ
Не целовалъ моихъ очей;

Къ моей поспелъ одинокой
 Черкесъ младой и черноокой
 Не крался въ шишинъ ночной;
 Слыву я дѣвою жесшпокой,
 Неумолимой красотой.
 Я знаю жребій мнѣ топовый:
 Меня опецъ и брашъ суровый
 Немилому продапъ хопяшъ
 Въ чужой аулъ цѣною злата;
 Но умолю опца и брашта;
 Не то — найду кинжалъ иль ядъ.
 Непоспижимой, чудной силой
 Къ тебѣ я вся привлечена;
 Люблю тебѧ, невольникъ милой,
 Душа твой упоена...

Но онъ съ безмолвнымъ сожалѣньемъ
 На дѣву спраспину взираль,
 И полный шажкимъ размышленьемъ
 Словамъ любви ея внималъ.
 Онъ забывался: въ немъ пѣснились
 Воспоминанья прошлыхъ дней ,

И даже слезы изъ очей
 Однажды градомъ покапились.
 Лежала въ сердцѣ какъ свинецъ
 Тоска любви безъ упованья.
 Предъ юной дѣвой наконецъ
 Онъ изліялъ свои спраданья.

« Забудь меня: твоей любви,
 Твоихъ восшорговъ я не сплю.
 Безцѣнныхъ дней не пропусти со мною;
 Другаго юношу зови.
 Его любовь тебѣ замѣнишь
 Моей души печальный хладъ;
 Онъ будешьъ вѣренъ, онъ оцѣнишь
 Твою красу, твой милый взглядъ,
 И жаръ младенческихъ лобзаній,
 И нѣжносТЬ пламенныхъ рѣчей;
 Безъ упоенія, безъ желаній
 Я вяну жертвою спраспей.
 Ты видишь слѣдъ любви несчастной,
 Душевной бури слѣдъ ужасной;
 Оспавь меня; но пожалѣй

**

О скорбной участии моей!
 Несчастный другъ, зачѣмъ не прежде
 Явилась ты моимъ очамъ,
 Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ
 И упоительнымъ мечтамъ!
 Но поздно: умеръ я для счастья,
 Надежды призракъ улетѣлъ;
 Твой другъ опытъ опять сладострастия,
 Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ...

« Какъ пляжко меривыми успами
 Живымъ лобзаньямъ опивѣчанъ,
 И очи полныя слезами
 Улыбкой хладною вспирѣчанъ!
 Измучась ревносѣю напрасной,
 Уснувъ безчувственной душой,
 Въ объятияхъ подруги спраснай,
 Какъ пляжко мыслишь о другой!...

« Когда такъ медленно, такъ нѣжно,
 Ты пьешь лобзанія мои,
 И для тебя часы любви

Проходяпъ быспро, безмятежно;
Снѣдая слезы въ пишинѣ,
Тогда, разсѣянный, унылый,
Передъ собою, какъ во снѣ,
Я вижу образъ вѣчно милый;
Его зову, къ нему спремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю;
Тебѣ въ забвеньи предаюсь
И шайный призракъ обнимаю;
О немъ въ пустынѣ слезы лью;
Повсюду онъ со мною бродилъ
И мрачную тоску наводилъ
На душу сирую мою.

« Оспавъ же мнѣ мои желѣзы,
Уединенные мечты,
Воспоминанья, грустъ и слезы:
Ихъ раздѣлить не можешьъ ты.
Ты сердца слышала признанье;
Прости... дай руку — на прощанье.
Недолго женскую любовь
Печалипъ хладная разлука:

Пройдетъ любовь, настанетъ скука,
Красавица полюбитъ вновь. »

Раскрывъ успа, безъ слезъ рыданя,
Сидѣла дѣва молодая:
Туманный, неподвижный взоръ
Безмолвный выражалъ укоръ;
Влѣдна какъ пѣнь, она дрожала;
Въ рукахъ любовника лежала
Ея холодная рука;
И наконецъ любви тоска
Въ печальной рѣчи излилася.

« Ахъ, Руской, Руской, для чего,
Не зная сердца швоего,
Тебѣ навѣкъ я предалася!
Недолго на груди швоей
Въ забвеньи дѣва опдыхала;
Немного радоспныхъ ночей
Судьба на долю ей послала!
Придумть ли вновь когда нибудь?
Уже ль навѣкъ погибла радость?...»

Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть
 Мою неопытную младость,
 Хопя бъ изъ жалости одной,
 Молчаньемъ, ласкою приворной;
 Я услаждала бъ жребій твой
 Заботой нѣжной и покорной;
 Я сперегла бъ минуты сна,
 Покой проскучающаго друга;
 Ты не хопѣлъ... Но кто жъ она,
 Твоя прекрасная подруга?
 Ты любишь, Руской? ты любимъ?...
 Понятны мнѣ твои спраданья...
 Проспи жъ и ты мои рыданья,
 Не смѣйся гореспіямъ моимъ. »

Умолкла. Слезы и спенанья
 Спѣснили бѣдной дѣвы грудь.
 Успа безъ словъ роптали пѣни.
 Безъ чувствъ, обнявъ его колѣни,
 Она едва могла дохнуть.
 И плѣнникъ, тихою рукою
 Поднявъ несчастную, сказалъ:

« Не плачь: и я гонимъ судьбою,
 И муки сердца испыталъ.
 Нѣпть, я не зналъ любви взаимной:
 Любиль одинъ, спрадалъ одинъ,
 И гасну я, какъ пламень дымной,
 Забытый средь пустыхъ долинъ.
 Умру вдали бреговъ желанныхъ;
 Минѣ будеятъ гробомъ эпа степь;
 Здѣсь на коспяхъ моихъ изгнанныхъ
 Заржавитъ пягостная цѣпь... »

Свѣтила ночи запимевались;
 Въ дали прозрачной означались
 Громады свѣплоснѣжныхъ горъ;
 Главу склонивъ, попупя взоръ,
 Они въ безмолвіи разспались.

Унылый плѣнникъ съ эпихъ поръ
 Одинъ окрестъ аула бродитъ.
 Заря на знайный небосклонъ
 За днями новы дни возводитъ;
 За почью почь вослѣдъ уходитъ;

Вопще свободы жажденъ онъ.
 Мелькненъ ли серна межъ кустами,
 Проскаченъ ли во мглѣ сайгакъ:
 Онъ, вспыхнувъ, загремиши цѣпями,
 Онъ жденъ, не крадеши ль козакъ,
 Ночный ауловъ разоришель,
 Рабовъ ошважный избавишель.
 Зовеши... но все кругомъ молчиши;
 Лингъ волны плещущися бушуя,
 И человѣка звѣрь почужа
 Въ пустынию шемную бѣжиши.

Однажды слышинъ Русской плѣнныи,
 Въ горахъ раздался кликъ военный:
 «Въ шабунъ, въ шабунъ!» Бѣгутъ, шумяши;
 Узечки мѣдныя гремяши,
 Чернѣюши бурки, блещущи брони,
 Кипятъ осѣдланные кони,
 Къ набѣгу весь ауль гоповъ,
 И дикие пипомы браны
 Рѣкою хлынули съ холмовъ,

И скакути по брегамъ Кубани
Сбирати насильственныя дани.

Упихъ аулъ; на солнцѣ спятъ
У саклей псы спорожевые.
Младенцы смуглые, нагіе
 Въ свободной рѣзвости шумятъ;
 Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ:
 Изъ трубокъ дымъ віась синѣетъ.
 Они безмолвно юныхъ дѣвъ
 Знакомый слушаютъ припѣвъ,
 И спарцевъ сердце молодѣеть.

Черкесская пѣсня.

I.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
 Въ горахъ безмолвіе ночное;
 Козакъ усталый задремалъ,
 Склоняясь на копіе спальное.
 Не спи, козакъ: во тмѣ ночной
 Чеченецъ ходитъ за рѣкой,

2.

Козакъ плыветъ на членокѣ,
 Влача по дну рѣчному сѣпи.
 Козакъ, утонешь ты въ рѣкѣ,
 Какъ тонутъ маленькия дѣти,
 Купаясь жаркою порой:
 Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

3.

На берегу завѣтныхъ водъ
 Цвѣтутъ богатыя спаницы;
 Веселый пляшетъ хороводъ.
 Бѣгите, Рускія пѣвицы;
 Спѣшице, красныя, домой:
 Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

Такъ пѣли дѣвы. Сѣвъ на брегѣ,
 Мечтаеши Руской о побѣгѣ;
 Но цѣль невольника тяжка,
 Быспра глубокая рѣка...
 Межъ пѣмь, померкнувъ, спесь уснула,
 Вершины скаль омрачены.
 По бѣлымъ хижинамъ аула

Мелькаетъ блѣдныи свѣтъ луны;
 Елени дремлютъ надъ водами,
 Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
 И глухо впорится горами
 Далекій шопотъ табуновъ.

Тогда кого-то слышно спало,
 Мелькнуло дѣвы покрывало,
 И вопль — печальна и блѣдна
 Къ нему приблизилась она.
 Успа прекрасной ишупть рѣчи;
 Глаза исполнены щоской,
 И черной падаютъ волной
 Ея власы на грудь и плечи.
 Въ одной рукѣ блескипть пила,
 Въ другой кинжалъ ея булаций:
 Казалось, будто дѣва шла
 На тайный бой, на подвигъ рапиной.

На плѣнника возведши взоръ,
 « Бѣги, сказала дѣва горъ:
 Нигдѣ Черкесъ шея не вспрѣтишъ.

Спѣши, не спѣши ночныхъ часовъ;
 Возми кинжалъ: пѣвоихъ слѣдовъ
 Никто во мракѣ не замѣтишь. »

Пилу дрожащей взялъ рукой,
 Къ его ногамъ она склонилась:
 Визжитъ желѣзо подъ пилой,
 Слеза невольная скапилась —
 И цѣль распалась и гремитъ.
 « Ты воленъ, дѣва говоришьъ,
 Бѣги! » Но взглядъ ея безумный
 Любви порывъ изобразилъ.
 Она спрадала. Вѣтеръ шумный,
 Свисшія, покровъ ея клубиль.
 « О другъ мой! Руской возопилъ,
 Я пѣвой навѣкъ, я пѣвой до гроба.
 Ужасный край осипавимъ оба,
 Бѣги со мной... »— Нѣтъ, Руской, нѣтъ!
 Она исчезла, жизни сладостипъ;
 Я знала все, я знала радостипъ,
 И все прошло, пропалъ и слѣдъ.
 Возможно ль? ты любилъ другую!...

Найди ее, люби ее;
 О чемъ же я еще проскую?
 О чемъ уныніе мое?...
 Проспи! любви благословенъя
 Съ тобою будущъ каждый часъ.
 Проспи — забудь мои мученья,
 Дай руку мнъ... въ послѣдній разъ. —

Къ Черкешенкѣ просперъ онъ руки,
 Воскреcшимъ сердцемъ къ ней лепѣль,
 И долгій поцѣлуй разлуки
 Союзъ любви запечатлѣль.
 Рука съ рукой, унынья полны,
 Сошли ко брегу въ тишинѣ —
 И Руской въ шумной глубинѣ
 Уже плывешъ и пѣнишъ волны,
 Уже пропивныхъ скаль доспигъ,
 Уже хватаетсѧ за нихъ...
 Вдругъ волны глухо зашумѣли,
 И слышенъ отдаленный спонъ...
 На дикий брегъ выходить онъ,
 Глядитъ назадъ... брега яснѣли

И оплаканные бѣлѣли;
 Но нѣтъ Черкешенки младой
 Ни у бреговъ, ни подъ горой....
 Все меритво... на брегахъ уснувшихъ
 Лишь вѣтра слышанъ легкій звукъ,
 И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
 Спруистый исчезаетъ кругъ.

Все понялъ онъ. Прощальнымъ взоромъ
 Объемлетъ онъ въ послѣдній разъ
 Пустой ауль съ его заборомъ,
 Поля, гдѣ пльниный спадо пасъ,
 Спремнины, гдѣ влачились оковы,
 Ручей, гдѣ въ полдень отдохаль,
 Когда въ горахъ Черкесъ суровый
 Свободы пѣсню запѣвалъ.

Рѣдѣль на небѣ мракъ глубокой,
 Ложился день на темный долъ,
 Взошла заря. Тропой далѣкой
 Освобожденный пльнникъ шёлъ,
 И передъ нимъ уже въ пуманахъ

(48)

Сверкали Русkie шпыки
И обликались на курганахъ
Сторожевые козаки.

Э П И Л О Г Ъ.

Такъ муга , легкой другъ мечты,
Къ предѣламъ Азіи лепала
И для вѣнка себѣ срываала
Кавказа дикіе цвѣты.
Ее плѣняль нарядъ суровой
Племенъ , возросшихъ на войнѣ ,
И часпо въ сей одеждѣ новой
Волшебница являлась мнѣ ;
Вокругъ ауловъ опускѣлыхъ
Одна бродила по скаламъ
И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
Она прислушивалась тамъ ;
Любила банныя спаницы ,
Тревоги смѣлыхъ козаковъ ,
Курганы , пихія гробницы ,
И шумъ , и ржанье табуновъ.

Богиня пѣсень и разсказа,
 Воспоминанія полна ,
 Быть можетъ, повторить она
 Преданья грознаго Кавказа ;
 Расскажетъ повѣсть дальнихъ странъ ,
*Мстислава*¹² древній поединокъ ,
 Измѣны, гибель Россіянъ
 На лонѣ мстительныхъ Грузинокъ ;
 И воспою топтъ славный часъ ,
 Когда, почужа бой кровавый ,
 На негодующій Кавказъ
 Поднялся нашъ орелъ двуглавый ;
 Когда на Терекѣ сѣдомъ
 Впервые грянуль битвы громъ
 И трохопть Русскихъ барабановъ ,
 И въ сѣчѣ, съ дерзостнымъ чѣломъ ,
 Явился пылкій Цицкановъ ;
 Тебя я воспою , герой ,
 О Комляревскій , бичъ Кавказа !
 Куда ни мчался ты грозой —
 Твой ходъ , какъ черная зараза ,
 Губилъ ,ничтожилъ племена ...

Ты днесь покинулъ саблю меспти,
 Тебя не радуешь война;
 Скучая миромъ, въ язвахъ чеспи,
 Вкушаешь праздный пы покой
 И пишину домашнихъ доловъ...,
 Но се — воспокъ подъемлещъ вой!...
 Поникни снѣжною главой,
 Смирись, Кавказъ: идесть Ермоловъ!

И смолкнуль ярый крикъ войны:
 Все Рускому мечу подвластно.
 Кавказа гордые сыны,
 Сражались, гибли вы ужасно;
 Но не спасла васъ наша кровь,
 Ни очарованныя брони,
 Ни горы, ни лихіе кони,
 Ни дикой вольности любовь!
 Подобно племени Батыя,
 Измѣнишъ прадѣдамъ Кавказъ,
 Забудешь алчной брани гласъ,
 Оспавишь спрѣлы боевыя.
 Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,

Подъѣдѣть пушникъ безъ боязни,
И возвѣстяшь о вашей казни
Преданья шемныя молвы.

ПРИМЪЧАНІЯ.

1. *Бештау*, или, правильнѣе, *Бештац*, Кавказ-
ская гора въ 40 верстахъ отъ Георгіевска.
Извѣстна въ нашей испорїи.

2. *Аулъ*. Такъ называются деревни Кавказ-
скихъ народовъ.

3. *Үзденъ*, начальникъ или князь.

4. *Шашка*, Черкесская сабля.

5. *Сакла*, хижина.

6. *Кумысъ* дѣлается изъ кобыльяго молока:
налипокъ сей въ большомъ употреблениіи между
всѣми Горскими и кочующими народами Азіи.
Онъ довольно пріятенъ вкусу и почипаетъ
весьма здоровымъ.

7. Счастливый климатъ Грузіи не вознаграж-
даєтъ сей прекрасной страны за всѣ бѣдствія,
вѣчно ею преперпѣваемыя. Пѣсни Грузинскія
пріятны и по большой части заунывны. Онъ
славяеть минутные успѣхи Кавказскаго оружія,
смерть нашихъ героеvъ: Бакунина и Цициано-
ва — измѣны, убийства, иногда любовь и на-
слажденія.

8. Державинъ, въ превосходной своей одѣ-
графу Зубову, первый изобразилъ въ слѣдую-
щихъ спрофахъ дикія карпины Кавказа:

О юный вождь, сверша походы,
Прошелъ ты съ воинствомъ Кавказъ,
Зрѣль ужасы, красы природы:
Какъ съ ребръ шамъ страшныхъ горъ ліясь,

Ревущъ въ мракъ безднъ сердиты рѣки ;
 Какъ съ чель ихъ съ грохопомъ снѣга
 Падущъ , лежавши цѣлы вѣки ;
 Какъ серны , внизъ склонивъ рога ,
 Зрящъ въ мглѣ спокойно подъ собою
 Рожденье молній и громовъ.

Ты зрељъ , какъ ясною порою
 Тамъ солнечны лучи , средь льдовъ ,
 Средь водъ , играя , отражаясь ,
 Великолѣпный кажутъ видъ ;
 Какъ , въ разноцвѣтныхъ разсѣвалась
 Тамъ брызгахъ , тонкій дождь горишъ ;
 Какъ глыба памъ сизоянтарна ,
 Навѣась , смоприпъ въ шемный боръ ;
 А памъ заря златобагряна
 Сквозь лѣсъ увеселяетъ взоръ .

Жуковскій , въ своемъ посланіи къ г-ну Воей-
 кову , такжे посвящаетъ нѣсколько прелест-
 ныхъ спиховъ описанію Кавказа :

Ты зрељъ , какъ Терекъ въ быспромъ бѣгъ
 Межъ виноградниковъ шумѣль ,
 Гдѣ , часпо припалась на брегѣ ,
 Чеченецъ иль Черкесъ сидѣль ,
 Подъ буркой , съ гибельнымъ арканомъ ;
 И вдалекѣ передъ твой ,
 Одѣты голубымъ шуманомъ ,
 Гора вздымалась надъ горой ,
 И въ сонмѣ ихъ гигантъ сѣдой ,
 Какъ пучка , Эльборусъ двуглавой .
 Ужасною и величавой
 Тамъ все бліспаєтъ красотой :
 Упесовъ мшистыхъ громады ,
 Бѣгущи съ ревомъ водопады

Во мракъ пучинъ съ граничныхъ скалъ;
 Лѣса, копорыхъ сна опѣ вѣка
 Ни спукъ сѣкиръ, ни человѣка
 Веселый гласъ не возмущалъ,
 Въ копорыхъ сумрачныи сѣни
 Еще лучъ дневный не проникъ,
 Гдѣ изрѣдка одни елени,
 Орла послышавъ грозный крикъ,
 Тѣснясь въ толпу, шумяще вѣтвями,
 И козы легкими ногами
 Переbebѣгаютъ по скаламъ.
 Тамъ все явлешия очамъ
 Великолѣпіе творенья!
 Но тамъ, среди уединенья
 Долинъ, плащахъ въ горахъ,
 Гнѣздятся и Балкаръ, и Бахъ,
 И Абазехъ, и Камуцинецъ,
 И Корбулакъ, и Албазинецъ,
 И Чечереецъ, и Шапсукъ.
 Пищаль, кольчуга, сабля, лукъ,
 И конь, соратникъ быстроногій —
 Ихъ и сокровища и боги;
 Какъ серны скачупъ по горамъ,
 Бросаютъ смерть изъ-за ущеса;
 Или по шонкимъ берегамъ,
 Въ травѣ высокой, въ чащѣ лѣса
 Разсыпавшись, добычи ждутъ;
 Скалы свободы ихъ пріютъ.
 Но дни въ аулахъ ихъ бредутъ
 На костиляхъ угрюмой лѣни:
 Тамъ жизнь ихъ — сонъ; спѣснясь въ кружокъ,
 И въ брапскій съ табакомъ горшокъ
 Вонзивши чубуки, какъ пѣни
 Въ дыму клубящемся сидяще
 И обѣ убийствахъ говоряще;
 Иль хвалияще мѣсткія пищали,
 Изъ коихъ дѣды ихъ спрѣяли;
 Иль сабли на кремняхъ оспрягъ,
 Готовясь на убийства новы.

9. Чихиръ, красное Грузинское вино.

10. Черкесы, какъ и всѣ дикіе народы, отличаються предъ нами господствомъ. Гость становицца для нихъ священною особою. Преданъ его или не защищашь, почитаешся межъ вими за величайшее безчестіе. *Кунакъ* (ш. е. пріятель, знакомецъ) отвѣчаєтъ жизню за вашу безопасность, и съ нимъ вы можете углубиться въ самую средину Кабардинскихъ горъ.

11. Байранѣ или Байрамѣ, праздникъ разговѣнья. *Рамазанѣ*, Музульманскій постыдъ.

12. Мстиславъ, сынъ св. Владимира, прозванный *Удалыиѣ*, удѣльный князь Тмутаракана (островъ Тамань). Онъ воевалъ съ Косогами (по всей вѣрояности, нынѣшними Черкесами) и въ единоборствѣ одолѣлъ князя ихъ Редедю. *Ист. Гос. Росс. Томъ II.*

